

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ*Амиранте К.¹***КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЕВРОПЫ
XXI ВЕКА: ЗРЕЛОСТЬ И КРИЗИС (часть 1)****Первое десятилетие нового века
характеризуется кризисом конституционных
принципов и демократического государства**

Демократическое и правовое социальное государство, установившееся после Второй мировой войны, признавало права человека, реорганизовывало форму государства и форму правления, в центре которых стояли и парламент и плюрализм, оно также способствовало международному сотрудничеству и исходило в основном из принципа, в основе которого были работа и человеческая личность, цели, достигаемые государством благодаря значительной роли политических партий, профессиональных союзов и других общественных организаций при их идеологической и оперативной самостоятельности.

В новом веке преимущества рынка и конкуренции, наоборот, навязывают новые отношения и правила игры государству для того, чтобы сильно ограничивать его самостоятельность, особенно в экономической и социальной сферах внутренней и внешней политики.

В данной статье автор стремится показать новизну и в то же время опасность положения, когда на конституцию демократического государства — результат компромисса между капиталом и работой, между индивидуальной свободой и потребностью равенства — накладывается положение многоуровневого конституционализма, то есть, по крайней мере, два последних уровня конституционных норм общего характера (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и т. д.), и международного характера (договоры Европейского союза, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод).

Отделение и передача основных элементов суверенитета от государств-членов к Европейскому союзу с последующей передачей полномочий изменяют право, принадлежавшее ранее государству, — устанавливать нормы, предназначенные для государственных органов и граждан в рамках своей компетенции.

Передача полномочий и функций государств в сфере исполнительной и законодательной власти органам Европейского союза лишена прямой демократической представительной процедуры и ведет к созданию новых форм государства, получивших определение «постнациональных созвездий» (Habermas) либо «постдемократических государств» (Dahrendorf).

Как видно из заключительных замечаний, новая совокупность принципов и норм конституционного содержания, которые добавляются к нормам государств, рискует изолировать конституцию государства, отдавая ей второстепенную роль, приведя к процессу утраты законности тех норм, на которых основывалась политическая и экономическая демократия, и таким образом, сделав шаткими гарантии свободы и социальных прав.

Процесс европейской интеграции, хотя и не исключает большой заслуги Европейского союза, который способствовал политическому, экономическому, культурному сотрудничеству народов — членов государств Европейского союза, обеспечил более чем на 50 лет его мирное существование и неоспоримые преимущества (но и сильное социальное воздействие) монетарного союза, указывает на риск для европейской демократии трех дефицитов — демократического дефицита, социального дефицита и международного дефицита².

**Конституции послевоенной фазы
как пространство демократии и экономической
и социальной солидарности**

Демократические конституции послевоенного периода основаны на плюрализме как политическом, так и профсоюзном, на признании прав человека и мирных принципов, то есть на сосуществовании и сотрудничестве государств и народов под знаком солидарности (приведение к согласию требований экономического развития и социальных требований) и на уважении разнообразия (культурного, лингвистического, этнического, религиозного) в одной международной системе, характеризующейся паритетом прав, обязанностей и шансов государств, институтов, народов и социальных классов.

В этом контексте конституция предлагалась в качестве элемента-ориентира и цельности принципов и личностных ценностей человека, выражения существенного равенства, экономического и социального благосостояния (индивидуального и коллективного), достигнутого через систему смешанной экономики (известной как модель государственного участия), которая вместе с частной инициативой предусматривала национализацию и формы существенного государственного вмешательства в пользу занятости и перераспределения.

¹ Амиранте Карло — профессор конституционного права юридического факультета Неаполитанского Университета. Статью перевел и подготовил корреспондент журнала «Представительная власть XXI век — законодательство, комментарии, проблемы» в Италии — Иван Марино.

² В то время как с первым понятием истолковывается отсутствие не только определяющей роли Европейского парламента, но еще и четкого отнесения политической ответственности органов правительства, что влечет за собой последствия для граждан, так называемый народ Европы остается далеким от применения (хотя и косвенного) суверенитета (народного) союзного, со вторым понятием истолковывается очевидная недостаточность союзных гарантий социальных прав, которые надо дополнять твердыми правилами ограничения государственных расходов для стран-членов. Наконец, понятие «международный дефицит» истолковывается как нехватка одной однозначной, направленной на достижение единства и особенно независимой внешней политики сообщества, в крайней степени очевидной в кризисе с Ираком.

Политическая демократия и право на работу, формальное равенство и существенное равенство, политическое участие снизу посредством центральной роли профсоюзов, партии и других общественных организаций, и, в то же время, новое задействование представительских институтов, отмененных фашистским режимом, создали синтез не только политико-идеологический, но и нормативный, государственный, именно в основных принципах, и в более общих чертах, в первой части итальянской конституции (в основном в той части, которая посвящена так называемой экономической конституции), которая являлась основным элементом конституционной системы в целом, и которую нельзя было сократить ни субъектам, руководящим экономикой и финансами, ни подчиненным им рабочим в качестве их противной стороны.

На самом деле, договоренность с членами Учредительного собрания была достигнута на основе взаимного признания католического персонализма и марксистской солидарности, при условии, чтобы человек стал центром конституционной структуры, личностью, охраняемой во всех социальных образованиях, в которых проявляется личность.

Политическое участие снизу гарантировалось как разнообразной гаммой парламентских собраний, (национальным, областным, окружным, городским, коммунальным), так и посредством институтов прямой демократии (в частности, посредством института упразднительного референдума), признания основной роли общественных формаций (школа, университет, атеистические ассоциации, одновременно церковь и семья в католической интерпретации) и основной роли базовых структур политических партий и профсоюзов. Теория социального государства находила свое все более явное выражение в признании права на труд, получила юридическое оформление в подробной и эффективной форме его охраны в статьях о гарантиях для всего рабочего класса, но оказавшихся открыто направленными на защиту слабых субъектов (то есть подчиненных), и в определении пределов совместительства, то есть провозглашение человеческого достоинства, безопасности, свободы, прав и гарантий, охрана которых была обеспечена главенствующей ролью рабочего и профсоюзного движения¹.

На самом деле, несмотря на традиционное евроцентристское представление, ценность конституций, возникающих из поражения тоталитарных режимов, которые спровоцировали Вторую мировую войну (японского, немецкого и итальянского), заключалась в легитимации активного участия новых демократий в качестве членов международного сообщества, в рамках которых должно было быть широкое внутреннее соответствие между принципами политической и социальной демократии и международной политики. Такая политика в политическом климате деколонизации положила начало новым отношениям европейских стран с африканскими и азиатскими странами, такие отношения заменили предыдущие колониальные отношения, предсказывая роль моста между Востоком и Западом, который в новом веке сможет стать основным для политико-институциональных отношений (Chiodi).

Впрочем, то, что республиканская конституция была значительным ориентиром для стран, переходящих с ре-

жима авторитарного, военного или диктаторского к конституционному демократическому режиму (Португалия, Испания, Греция, не говоря уже о латиноамериканских конституциях, и в какой-то степени о конституциях «перехода» стран центральной и восточной Европы), — это исторический сложившийся факт.

Разумеется, что только конституция, несмотря на свой сильный инновационный потенциал, не могла создать демократию и социальный прогресс; не так просто реализовать конституцию, которая перевернула политико-идеологические принципы, основанные на кодексах, особенно уголовных, противоречащих нормам политических и экономических свобод. Среди более ярких противников новой конституции были самые традиционалистские круги бюрократии и магистратуры, сформированные в фашистском режиме, которые принимали конституцию, как набор политических принципов, лишенных нормативной эффективности и нуждающихся в посредничестве законодателя для какого-то их осуществления. Только с помощью более развитых отраслей конституционной доктрины и при поддержке магистратов (государственных служащих и новых поколений не только юристов, но в основном граждан и рабочих), а также при поддержке конституционного суда, который взял на себя обязательство уничтожить фашистское и профашистское законодательство, противоречащее конституции, установилось то, что можно определить как конституционное провозглашение свобод и, в какой-то степени, социальных прав.

Демократические конституции, основанные на праве на труд и пацифистских принципах (итальянская и немецкая), и учредительные трактаты Европейского экономического сообщества, созданные в целях прекращения разногласий между государствами, в частности между Францией, Германией, Великобританией и Италией, способствовали экономическому буму, который трансформировал в течение 20 лет в основном сельскохозяйственную итальянскую экономику в промышленную систему, имеющую склонность к экспорту, что превратило страну в шестую экономическую силу в мире².

Несомненно, принадлежность Италии к другим государствам — основателям Европейского экономического сообщества и к Великобритании, которая позже вступила в евро-атлантическую систему экономических, торговых и военных союзов, непременно окажет влияние на международную политику и, в какой-то степени, на правительственные коалиции и экономическую политику. Все-таки соглашения Бреттон Удс, экономика доллара и такие международные экономические органы, как Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, проложили дорогу к прогрессивной интернационализации экономических и финансовых отношений и относящейся к ним политики, хотя уменьшая экономический суверенитет государств, но не причиняя существенного вреда функциям демократического государства и конституции и предоставляя народу больше самостоятельности в выборе экономической и социальной политики, политических и социальных возможностей оказывать влияние на деятельность правительства и парламента.

(Продолжение следует)

¹ Cfr. Amirante C. *Dal corporativismo ad un'economia solidale...e ritorno?* in Sviluppo economico 1/2-2002 — P. 231ss.

² Chiodi.